

Какая безмятежная реакция.

Господин Даомин был нынешним любимым учеником главы секты, обладал невероятным талантом и считался будущим лидером праведного пути, признанным всеми сектами. А еще – будущим партнером Сюй Чжицю по дао.

И хотя в миру то и дело возникали споры, а многие открыто сомневались в этом союзе, на деле их отношения складывались вполне неплохо. Возвращаясь в секту, Даомин почти всегда заглядывал сюда, да и Сюй Чжицю не против был перекинуться с ним парочкой слов.

Но сейчас он отреагировал донельзя вяло. И дело было вовсе не в том, что он узнал о возвращении заранее и потому не удивился, а скорее в том, что ждал этого без малейшего энтузиазма.

Почувствовав неладное, Тунцзы осторожно спросил:

– Вы что, поссорились?

Сюй Чжицю отставил ложку, густо облепленную черной липкой жижей, и бросил:

– Нет.

Пить это зелье он, разумеется, не собирался. Потыкав в него ложкой для вида, он оттолкнул пиалу и зажмурился.

Тунцзы попытался уговорить его сделать хоть глоточек, но в тот же миг его бесцеремонно шмякнули лицом прямо в край пиалы. В нос ударил мощный, почти осязаемый запах лекарства.

Мать моя женщина, капец!

Он мгновенно захлопнул открытый рот, сдавленно пискнув, и, пятясь назад, заизвивался на полу точно жирный опарыш.

Лишь когда «опарыш» затих, Сюй Чжицю сжалился над ним и разжал пальцы. Лениво качнув рукой, он протянул:

- Если не хочешь, чтобы я залил эту бурду тебе в глотку, сию же минуту убери ее с глаз долой.

Тунцзы вскочил пружинистым прыжком и в мгновение ока подхватил поднос из грушевого дерева. Уже уходя, он слышал из-за спины:

- Я вздремну. Как разберешься с лекарством, вали куда-нибудь поиграть, короче - не мешай.

Тунцзы закивал как заведенный и умчался прочь, опасаясь, что за медлительность ему снова прилетит по макушке.

Хотя со здоровьем у Сюй Чжицю было швах по всем фронтам, единственным, что работало безупречно, оставался сон. Стоило отключиться - и проспал он аж до самого вечера.

С наступлением темноты горы окутал туман, но небо над ними расчистилось, став кристально чистым, без единого облачка, усыпанным яркими искрами звезд. Где-то за пределами обители промелькнул поток света - то ученики школы Небесного Меча возвращались после ночных тренировок.

На дальних пиках зажглись красно-желтые огоньки гирлянд, пробиваясь сквозь облачную дымку и освещая дорогу, ведущую в секту.

Рассекающий воздух звон мечей пронесся над горами, но он не смог бы разбудить того, кто сладко спал, прислонившись к перилам.

Шумное эхо мечей затихло, и на безлюдной тропинке у двора слышались шаги.

Все это время карауливший под карнизом Тунцзы мгновенно насторожился, схватил фонарь и высунулся наружу. В поле зрения попал край одеяния, сплошь покрытый пылью и бурыми пятнами запекшейся крови.

Незванный гость выглядел изможденным от дальней дороги, но в его осанке по-прежнему

читалась нестигаемая сила. На поясе висел серебряно-белый длинный меч, а бамбуково-синий темляк покачивался в такт шагам.

Брови стремительно взмыли вверх, а в холодных глазах залегла глубина бездонного озера. Перед ним стоял господин Даомин – Чэнь Цзиншань.

Спрыгнув с галереи прямо на траву, Тунцзы почтительно поклонился.

Чэнь Цзиншань небрежным взмахом руки велел ему выпрямиться и перевел взгляд на темный, не освещенный изнутри деревянный дом. Наконец его глаза остановились на фигуре человека, полускрытой во мраке у резных перила.

Он сделал шаг вперед. По мере приближения силуэт рассеял неясную туманность: плечи укутывало одеяло, а ветер колыхал поседевшие пряди, которые ловили лунный свет, превращаясь в самую приметную деталь этого титрового уголка.

Поверх одеяния виднелось лицо, самое заурядное во всех смыслах: ни красивое, ни безобразное, такое, в котором напрочь отсутствовали хоть какие-то запоминающиеся черты.

Одеяние держалось на честном слове, а ночной ветер оказался куда проворнее – стоило дунуть, как ткань поползла вниз.

Чэнь Цзиншань наклонился, чтобы поймать сползающее покрывало.

– Хлоп!

Едва он коснулся ткани, как его запястье перехватила молниеносная хватка. В ту же секунду по коже прокатился холод, а сидевший до этого мертвецким сном человек распахнул глаза – взгляд его был чист и ясен.

Сюй Чжицю еще не до конца отошел ото сна, но по старой привычке машинально попытался впечатать нагрянувшего гостя в землю. К счастью, вовремя сообразив, он на ходу сменил маневр.

Ослабив хватку на чужом запястье, он опустил глаза, для виду оценивающе оглядел руку, небрежно отбросил ее в сторону и выдал фальшивую дежурную реплику:

- Смотрю я, ты в поездке малость сдал, похудел, кажись.

Одно движение сменялось другим с пугающей плавностью. Отбросил он его руку тоже без малейших колебаний, так что невозможно было понять, то ли он и впрямь переживает, то ли ему глубоко фиолетово.

Ощущение холода на запястье исчезло. Чэнь Цзиншань отдернул руку и ответил:

- В этот раз путь через демоническую зеркальную завесу выдался опасным.

Одной фразой он оборвал все расспросы об испытаниях, выпрямился и добавил:

- Ночью роса тяжелая, давай-ка вернемся в дом.

Сюй Чжицю даже не шелохнулся. Опершись щекой о согнутую в локте руку, он чуть приподнял веки и исподлобья посмотрел на юношу, в чьих чертах уже проступали мужественные линии взрослого мужчины, смывая остатки былой юношеской наивности.

Если подумать, он ведь и правда никогда особо не следил за переменами в этом парне, а уж о статусе жениха вспоминал в последнюю очередь. Дошло до того, что он упустил момент, когда тот дорос до возраста, в котором заводят любимого человека.

Интересно, когда этот праведник бросил свадебный пир посредине и помчался за тысячи ли спасать свою возлюбленную, успел ли он тогда?

На этот вопрос ответа он, пожалуй, не получит никогда. Заметив кружащего рядом мелкого комара, Сюй Чжицю отмахнулся от него и, руководствуясь базовым принципом прояснения фактов, прямо спросил:

- Твое сердце принадлежит не мне, верно?

- ...С чего это вдруг такие мысли?

Похоже, Чэнь Цзиншань никак не ожидал подобного поворота. Он замер на секунду, в наступившей тишине отвел взгляд в сторону, наклонился, протянул руку и произнес:

– Ночью ветрено, возвращайся в комнату.

Тунцзы, все это время притворявшийся глухим и слепым, при звуках спасительного слова «в дом» обрел способность слышать. Желая поскорее согреть хозяина, он тут же подбежал и ухватился за одеяло.

Отсутствие ответа – тоже ответ. Слухи подтвердились воочию. Передав одеяние Тунцзы, Сюй Чжицю проигнорировал протянутую руку, оперся о перила, поднялся, зевнул и медленно поплелся внутрь.

Протянутая рука вновь осталась пустой. Чэнь Цзиншань молча опустил ее и последовал за ним, намереваясь проводить до кровати.

– Поздно уже, ступай отдыхать, – переступив порог, Сюй Чжицю через плечо бросил: – Провожать не буду, а то начнешь выпроваживать меня обратно – и этому цирку не будет конца.

Тон не оставлял сомнений: убирайся поскорее.

Сегодня ему почему-то казалось, что все вокруг идет кувырком, хотя лицо оставалось привычно-невозмутимым, а полузакрытые веки не выражали ни капли эмоций – поди пойми, что у него на уме.

Впрочем, вряд ли стряслось что-то серьезное, просто к ночи наваливаются дурные мысли, а к утру от них и следа не останется. Вернувшись в секту, Чэнь Цзиншань уже успел в общих чертах узнать о недавних событиях: кроме стычки с сородичами, этот человек никуда не совался и никаких поводов для беспокойства не подавал.

Остановившись на пороге, послушно выполнив просьбу, он перехватил пальцами рукоять меча на поясе, и в его ладони из ниоткуда возникли два предмета. Положив их на деревянную тумбочку у двери, он произнес:

– Возвращаясь обратно, я проезжал Дичэн. Подумал, что тебе здесь скучно, и наверняка захочется почитать что-нибудь для развлечения.

То, что любил читать местный болящий, праведной литературой назвать было трудно. Он питал слабость к всевозможным сомнительным апокрифам и бульварным романам, чем бредовее – тем лучше. А город Дичэн славился как раз процветающей культурой и изобилием подобных макулатурных изданий, не имеющих ничего общего с реальной историей.

В те разы, когда ему случалось покупать эти книги в ученическом облачении секты, окружающие неизменно одаривали его красноречивыми взглядами, полными осуждения за моральное падение. Но со временем, преодолев первоначальное смущение, он приноровился просто переодеваться в гражданское перед походом по лавкам.

Правда, в этот раз странными взглядами его наградили уже попутчики по секте, но это было мелочами.

Выставив книги на видное место, он заговорил вновь:

– Не виделись несколько месяцев. Я собирался после возвращения сводить тебя прогуляться к подножию гор, но на Южном континенте сейчас неспокойно. Должен взглянуть на это сам... Прости, придется отложить вылазку.

Этот его номинальный будущий партнер по дао на собственной свадьбе сорвался именно на Южный континент – туда, где, по слухам, находилась его возлюбленная.

Конечно же, спасение сердечной зазнобы стояло куда выше банальной прогулки по окрестностям. Сюй Чжицю всё понял, молча склонил голову, поднес огонек к свече и, дождавшись, пока затеплится тусклый желтоватый свет, коротко бросил фитилю:

– Угу.

Провожать гостя дважды не требовалось. Он велел Тунцзы отдать деньги за книги этому сердобольному «закупщику», но Чэнь Цзиншань денег не взял, пожелав напоследок спокойной ночи и аккуратно прикрыв за собой створки двери.

Свеча освещала комнату всего пару мгновений. Как только дверь закрылась, Сюй Чжицю рухнул на кровать и продолжил прерванный сон. В конце концов Тунцзы затушил огарок и свернулся калачиком рядом, устроившись под боком у постели.

На следующий день, когда Сюй Чжицю проснулся, тени от бамбука за окном уже сдвинулись – солнце стояло высоко.

Трудолюбивый Тунцзы давно хлопотал по хозяйству. Стоило господину умыться и сесть за низкий столик, как перед ним тут же материализовался завтрак.

Те самые книги с тумбочки у входа тоже переключались на столешницу. Оперевшись щекой на кулак, Сюй Чжицю лениво перелистнул пару страниц и захлопнул их обратно.

Беру свои слова назад: путешествия во времени все-таки наложили отпечаток на его жизнь – например, эти романы он уже читал, так что пункт «развлечения от скуки» можно было смело вычеркивать.

Рядом с книгами обнаружилась черная деревянная шкатулка. Приоткрыв крышку, он уловил легкую волну духовной энергии, исходившую от лежавшей внутри травинки.

Насыщенно-зеленая, с упругими, налитыми соком листьями, она казалась готовой брызнуть влагой от малейшего тычка.

– Эту целебную траву господин Даомин оставил вчера под книгами перед уходом, – подал голос Тунцзы, поднимая голову. – Она напитана духовной силой бессмертных и творит чудеса при восстановлении меридианов.

Помолчав, он с надеждой добавил:

– Раз уж вчера мы не пили лекарство, может, я сегодня заварю вам этот отвар? Как думаете?

– Оставь, – серебристые пряди соскользнули с плеча, Сюй Чжицю небрежным движением откинул их назад, захлопнул шкатулку и швырнул ее Тунцзы. – Услуга за услугу, не возьму даром. При случае вернешь ему эту вещь.

Поймав шкатулку на лету, Тунцзы засуетился, подумав про себя, что с женихом можно было бы и не проявлять столько вежливости – вряд ли Даомин жаждет получить подарок обратно.

Ах да, еще ведь этот свадебный контракт.

Пальцы легко постучали по крышке стола, и Сюй Чжицю, скосив глаза, поинтересовался:

– Слушай, а ты в курсе, как вообще расторгают эти помолвки?

– ?!

Вопрос прозвучал так буднично, будто он спросил, что сегодня на завтрак. От неожиданности Тунцзы едва не выронил драгоценную шкатулку вместе с лекарством.

<http://bllate.org/book/18820/1865173>